

УДК 165:001

DOI: 10.21779/2500-1930-2021-36-2-80-92

Дж.А. Гусенова

**Социокультурные и личностно-мировоззренческие основания
«познающего субъекта» в философии науки XX в.**

*Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43а; gusenowa03111978@yandex.ru*

В статье раскрывается содержание философского дискурса по поводу субъекта исследовательской деятельности, проявления его специфических черт, неоднозначного характера самих представлений о «познающем субъекте» в философии науки XX века. Представляется, что эта проблема актуализировалась в середине XX века, когда в качестве основополагающей цели была выдвинута необходимость изучения условий происхождения научных сдвигов, факторов, влияющих на эти процессы.

В истории философии науки познающий субъект в разные периоды наделялся различными характеристиками: от полного лишения гносеологического контекста в античный период, признания способности к рациональному познанию в Новое время, признания факта интеллектуальной интуиции в период Реформации до становления концепта субъекта и обращения к проблемам философии и методологии науки к началу XX века.

В неклассический период познающий субъект, «нагруженный» ценностями и ценностными установками (Ницше), лишён возможности выйти за пределы своих представлений (Шопенгауэр). Замещаясь некой видимостью, ему противостоит «уклоняющаяся» (Хайдеггер) или «ускользающая» (Адорно) реальность.

Начиная со второй половины XX века, такие факторы, как воображение, изобретательность, ценностно-мотивационная составляющая, социокультурный и личностно-мировоззренческий становятся определяющими при определении сущностных характеристик субъектности в научном знании. Тенденции, наблюдаемые в постнеклассической философии, не в последнюю очередь увязываются автором с изменением статуса личности, отношения его к себе и окружающим, радикальной индивидуализацией, разрушением прежних социальных структур и групп: нивелированием и атомизацией общественной жизни.

Ключевые слова: *неклассическая философия, постнеклассическая философия, познающий субъект, научная революция, постмодернизм.*

Введение

Представление о мире, которое складывается в современной науке, столь радикально меняется, что это не только затрагивает профессиональные круги, но и является основой нового «человекообразного» мировидения, что означает формирование новой картины мира и становление новых установок, ценностей, определяющих деятельность человека в природе и обществе. Меняется сам характер научной деятельности: происходит усиление роли «искусственного интеллекта» во всех отраслях научного знания, его компьютеризация и технизация. Необходимость осмысления этих тенденций выдвигает на передний план вопросы о трансформации субъекта научной деятельности, определение его специфических черт в философии XX века.

Небольшой экскурс в историю этого вопроса показывает неоднозначный характер самих представлений о «познающем субъекте». В античный период он был лишен какого-либо гносеологического контекста, а субъектом познания «объявлялся обезли-

ченный разум, трактуемый не как субъективно-человеческий феномен, а как объективно-космический: «сам космос сочиняет драмы и комедии, которые мы исполняем, философу достаточно знать только одно, что он актер и больше ничего» [12, с. 168]. В эпоху Средневековья знание толковалось как обогащение познающим субъектом своей души субстанциальными формами познаваемых предметов посредством воспроизведения онтологических характеристик материальных предметов. В Новое время познающий субъект рассматривается уже как отдельная, пусть и обобщенная личность – субъект научного познания, способный к рациональному познанию, доверяющий собственной интеллектуальной интуиции, способный противопоставить догматам вероучения и авторитарному знанию самостоятельное интеллектуальное творчество [25, с. 67].

Представляется, что наиболее рельефно эта проблема проявилась в конце 50-х – начале 60-х гг. XX века в трудах представителей постпозитивизма: М. Полани, Н.Р. Хэнсона, Т. Куна, П. Фейерабенда, С. Тулмина и других. Опираясь на обширный материал истории науки, они высказали идею, что целью философии науки является изучение условий происхождения научных сдвигов, причин подобных изменений и то, насколько учет социальных (личностно-мировоззренческих и социокультурных) факторов влияет на научное познание.

Познающий субъект в неклассической философии XX века

В конце XIX – начале XX века в науке происходит одна из значительных революций, которую В.С. Степин назвал третьей глобальной научной революцией: классическая наука становится неклассической. Важной составляющей образа науки становится концепт субъекта – того, кто познает мир и является создателем науки как особого вида познания.

С принятием общей теории относительности, в которой пространственно-временные формы утратили статус абсолютных величин, стал возможным учёт в результатах исследования оценок и мнений субъекта познания, формируемых в процессе наблюдения. Субъект познания обрел черты когнитивной необходимости как в плане гносеолого-эвристическом, так и физическом: его мировоззренческо-ценностные горизонты стали вписываться в полученные результаты.

К формированию неклассической концепции привела и квантовая механика, поскольку пришло понимание того, что осознание квантовых событий невозможно вне наблюдения, а реальность событийна и трактуется как многочисленная сеть взаимосвязей наблюдателя–наблюдаемого. Потому в неклассический период абсолютный субъект вытесняется субъектом-наблюдателем. Шопенгауэр А. объяснил этот переход тем, что наука неспособна проникнуть «в глубину и сущность мира и никогда не выходит за пределы представления и по существу сообщает только об отношении одного представления к другому» [27, с. 164]. Только у Ф. Ницше в качестве таковых «пределов представлений» выступали ценности общества, «с помощью которых мы поддерживаем себя в жизни» [17, с. 342].

В XX веке проблема роли ценностей в обществе стала более выпуклой. Кризис перепроизводства и капиталистические принципы извлечения постоянного дохода породили маркетинг, культивировавший в формирующемся консьюмеристском обществе мнимые ценности и искусственные потребности. И познающий субъект представляется уже обременённым багажом своих ценностей и ценностных установок, от которых необходимо «освободиться», чтобы суметь заглянуть за новые «горизонты» научного знания.

Добавим сюда признание за восприятием «уклоняющейся» реальности [23, с. 52] его субъективного характера, о чем развернуто писал Хайдеггер.

Идею «уклоняющейся реальности» дополнил немецкий философ Т.В. Адорно, который предложил неклассическую концепцию «ускользающей реальности», ключевым концептом которой являются понятия *целостность*, выраженная в многообразии отношений между частью и целым на различных уровнях реальности, а также *тотальность* как «взаимосвязь отношений между частями и целым» [1, с. 81]. Реальность принимает у него «матрёшечную» модель, когда каждый последующий объект больше предыдущего. Это «больше» указывает на то, что нечто превышает возможности понятийного аппарата, то есть нечто уклоняется от субъекта. Адорно акцентировал внимание на «избыточности» реальности и преимуществе объекта перед субъектом. Таким образом, Адорно сформулировал концепцию целостности как «вещи-в-себе», недоступной познанию субъекта: «Нет такого бытия в мире, которое было бы непроницаемым для науки, но то, что является проницаемым для науки, не есть бытие» [24, с. 42]. Для Адорно тотальность – это общество как вещь-в-себе, со всей виной «овеществления», под которой он понимал эффект фетишизации.

Критикуя мышление как познавательную способность, Адорно считал, что понятие делает доступным только поверхность мира. В своих произведениях Адорно «пытался реализовать эту идею непонятийного мышления, специально разрушая текст и искажая его смысл» [21, с. 52]. Такая его позиция отразилась на структуре текстов его работ (их децентрализованная структура, лишена логической связки фрагментов; сочинения выдержаны не в академическом стиле, а в виде эссе). Все эти проявления деструкции, по мнению С.Е. Вершинина и Г.А. Борисовой, Адорно видел и в «особенностях взаимодействия человека и природы» [6, с. 50], которое и определило ход развития прогресса. Взаимодействуя с природой, человек начинает испытывать страх, для преодоления которого он обращается к разуму, чтобы тот «осветил» ему «путь» и помог приспособить природу к его потребностям. Выходом из этой ситуации Адорно совместно с Хоркхаймером видит в «Программе просвещения» [24, с. 16], нацеленной на «расколдовывание» мира, этого мифического страха.

Знания об объекте и ценностно-целевые структуры познающего субъекта в постнеклассической философии

Начиная со второй половины XX в., как известно, логический позитивизм оказался подвергнутым критике: принцип фальсифицируемости (К. Поппер), теория научных революций (Т. Кун) были признаны «историческим релятивизмом», поскольку стало понятно, что научное знание «исторически и социально обусловлено и, следовательно, оно не абсолютно, а относительно по своему характеру» [10, с. 40]. Ввиду этого главной целью научной деятельности объявлялось не простое накопление фактов, полученных в результате эмпирических исследований объективной реальности, а признание за последним проявлений «более фундаментальных процессов» [10, с. 40]. При этом признавалась значимая роль воображения и изобретательности исследователя в своём научном поиске: важным оказался не столько логико-методологический подход в исследовательском поиске, сколько влияние на исследование социокультурных и личностно-мировоззренческих факторов.

Понимание существа этой философской проблемы требует от нас погружения в проблему объективности научного знания. И здесь мы выходим на две трактовки этого понятия: позитивистскую и непозитивистскую. С точки зрения позитивизма, исследо-

ватель, погружаясь в исследовательскую деятельность должен «освободить себя» от ценностных и языковых предпосылок, уподобившись «чистому листу». То есть объективность в науке должна быть достигнута посредством «самоограничительного требования, в соответствии с которым ученый приводит свои ценностные предпочтения в соответствие с эмпирическими данными» [30, с. 16]. Это должно было помочь освободить науку от идеологических и групповых предпочтений. Однако на практике, как оказалось, невозможно полностью освободить себя от каких-либо установок.

В позитивизме признаётся устойчивая связь между теорией и моделью, а последней – с эмпирическими фактами. Если теории не соответствуют модели, то они могут корректироваться; модели же подвергаются ревизии, если они не соответствуют эмпирическим фактам, так же, как и последние подвергаются проверке при рассогласовании с моделью. Данную концепцию О.В. Летов называет «натуралистической», поскольку «в ее рамках естественные науки (в первую очередь, физика) выступают некой парадигмой для всех остальных наук. В этих рамках теории и модели должны находить свое математическое выражение» [10, с. 41]. Однако в арсенале науки не только количественные методы с привлечением чисел и формул, но и качественные с применением таких средств, как метафоры и аналогии. Ошибкой позитивистов можно назвать то, что они отождествляли формально-логические утверждения с рациональными, при том что последние не всегда укладываются в логические рамки, оставаясь, по мысли позитивистов, за скобками логического как нечто иррациональное. Это положение убедительно обосновали в своих работах постпозитивисты М. Полани, Н.Р. Хэнсон, П. Фейерабенд и др.

М. Полани свою концепцию выстроил на основе ряда ключевых принципов. Он отмечал, что исследовательская практика не может ограничиваться лишь простыми описаниями наблюдений, истинность/ложность которых не может быть установлена в процессе наблюдения, так же, как и научное знание не может быть полностью формализовано, как и не может ни одна формула определить границы своего применения. Наше знание о внешнем мире основывается на неявно принятом базисе, в котором метафизические, философские основания являются неотъемлемой частью самой науки [31]. Даже в естественных науках возможны вероятностные суждения, которые являются лишь результатом личностной оценки, лежащей вне наблюдаемых фактов. При возникновении противоречий между двумя теориями решающим критерием истины не должна выступать ситуация, при которой одна из этих теорий соответствует эмпирическим фактам, а другая нет, потому что любую фактологическую базу можно «подогнать» под теорию. Чтобы изменить теорию, необходимо не только обращение к фактам, но и полное изменение самих рамок интерпретации через достижение «интеллектуальной красоты» [10, с. 42], подкрепляемое интеллектуальным чувством субъекта, в некоторой степени определяющим то, что является и что не является «наукой».

Несколько с иного ракурса подошел к этой проблеме американский философ П. Фейерабенд. Он выдвинул тезис, что в науке должна быть конкуренция и между научными теориями, такая же, как между экономическими субъектами. В такой системе координат формирование теории зависит не столько от экспериментальной части, сколько от собственного опыта. Таким образом по мнению Фейерабенда, осуществляется более действенная критика принятой теории, чем критика, основанная на сравнении теории с установленными фактами: благодаря отказу от альтернативных гипотез, происходит устранение фактов, потенциально опровергающих принятую теорию. Фейерабенд отказывался рассматривать согласие теории с фактами в качестве признака

объективности какой-либо научной теории. Напротив, теории с высокой степенью эмпирической подтверждаемости становятся почти неотличимыми от мифа и существуют исключительно за счет сообщества верующих в них [29, с. 23]. Он назвал свой научный метод «плодотворным» релятивизмом, подобно океану увеличивающимся за счёт всех этих взаимно несоизмеримых альтернатив, каждая отдельная теория которых является частью одной совокупности. При этом остаются лишь эстетические суждения, суждения вкуса и наши собственные субъективные желания [29, с. 45].

Очень близко к идее о конкуренции научных парадигм стоял и С. Тулмин. Считая, что вся совокупность понятий, методов и убеждений не является исторически неизменной, он сравнил конкуренцию научных парадигм с «дарвиновской популяционной теорией изменчивости и естественного отбора» [22, с. 315]. Опираясь на историю науки, он показал, что, следуя логике позитивизма, исследователь испытывает некоторые трудности, пытаясь понять область применения тех или иных теоретических суждений, поэтому первостепенной должна стать проблема применения того или иного правила.

Наследие постпозитивистов оказало существенное влияние на дальнейшую эволюцию западной философии науки и явилось предпосылкой формирования постмодернистского философского течения. Нельзя сказать, что постпозитивизм и постмодернизм это два принципиально разных течения в истории и философии науки. Их объединяют идея плюрализма, а в рамках постмодернизма метод «полифонического исследования» [28, с. 284]. Оба эти течения отвергают эмпиристскую идею в методологии, согласно которой факты «первичны», а теория «вторична»; они не разделяют идею «аксиологической нейтральности» научного знания.

Их водоразделом является то, что постпозитивисты акцентируют внимание на аксиологических и социоисторических факторах, влияющих на характер процесса познания, а постмодернисты – на лингвистических их аспектах. Последние постмодернисты называли «языковой игрой», влияния которой не могут избежать ни одни законы, ни одна норма. Чтобы по-новому интерпретировать господствующую картину реальности, необходимо изменить сознание и освободиться от субъективных предпочтений. Поэтому постпозитивисты остаются убеждёнными в несоизмеримости конкурирующих теорий, а постмодернисты, напротив, считают, что между конкурирующими теориями невозможно выделить более обоснованную, чем остальные.

М. Алвессон и К. Сколдберг [28, с. 179], говоря об истории постмодернизма, отметили, что как культурное движение он зародился в 1960-х, в атмосфере неопределённости, скептицизма и плюрализма после Второй мировой войны. Первоначально это была группа американских литераторов, претендующих на особый способ изложения материала. Постепенно этот термин распространился на гуманитарные науки, искусство, архитектуру, а само движение в 1970-х стало влиятельным, в 1980-х – популярным, а в 1990-х годах – академичным. Уже в середине 1990-х годов начался его спад в области общественных наук.

Постмодернизм был направлен против идеи о существовании неких всеобщих рациональных принципов, обуславливающих развитие научного знания. Эти принципы рассматривались ими как мифы, призванные контролировать человеческое поведение через принуждение его с помощью символов, достижение послушания и конформизма благодаря силе убеждения – употреблению языка.

Язык современной науки формализован, менее подвержен предубеждениям и представляет более объективное описание реальности, чем любой другой язык. Это вы-

зывает вопрос об альтернативных знаниях. Так, например, трактовка времени с позиций движения механических часов – это метарассказ, потому что представляется бесконечной совокупностью отдельных моментов: прошлого, настоящего (как момента между прошлым и будущим) и будущего, также разделённых на составляющие. Такое представление присуще эмпиризму, рассматривающему субъекта, способного посредством лишь чувственных восприятий фиксировать только один аспект времени – настоящее, отражённое в его сознании. Время таким образом рассматривается с механистической точки зрения и представлено в категориальном аппарате физики. Однако в таком контексте игнорируются представления о времени с позиции его интерпретации.

Указанный пример с временем предполагает рассмотрение последнего сквозь призму человеческого опыта, позволяющего не забывать прошлое, жить в настоящем и предвосхищать будущие события. Делёз по этому поводу увязывал время с возможностью сознания переключать внимание: «Философское время – это время всеобщего существования, где “до” и “после” не исключаются, но откладываются друг на друга в стратиграфическом порядке» [7, с. 78]. Здесь прошлое уже не представляется как «ускользающее» безвозвратно настоящее, а будущее уже не столь «туманно». Признание факта, что реальность конструируется с помощью символов, стирает различия между теорией и объективной реальностью как системой «рассказов» и/или «текстов», потому воспроизведение этой реальности в теориях суть создание текстов, конструирование этих объектов реальности, как например, «дом», который может по-разному трактоваться представителями различных областей знания. Таким образом, «предмет науки конструируется в процессе дискурса, порождаемого самими учеными. Этот предмет оказывается не «внешним», а «внутренним» по отношению к науке» [10, с. 49]. Истинность и объективность научного знания теперь дополняются ценностно-целевыми установками, а точки наращивания нового знания возникают на стыках наук. Потому любая регламентация и формализация контрпродуктивны по отношению к новому знанию.

В этой связи в современной науке важное значение приобретает «воображение» [14], с помощью которого познающий субъект способен к постижению нового, и через это приходит к плюрализму научно-исследовательских программ. Потому Делёз и Гваттари одну из главных задач философии видели в измерении истинностного значения этих различных мнений, признавая за каждым из них свою долю истины, понимаемой как «предполагаемый план бытия», определяемый через формулы «обратиться к...» или «то, к чему обращается мысль» [7, с. 55]. Проблему заблуждения они решают через рассмотрение последнего тоже в качестве элемента всеобщего плана, однако концептуальные основания оно обретет лишь в случае, когда определены его составляющие. Отличительная черта познающего субъекта при классическом и постнеклассическом типе рациональности в том и состоит, что в первом случае ему требуются очевидности, к которым он пришел бы посредством своих усилий, а во втором, субъекту познания совершенно не нужны очевидности, потому что он желает этого абсурда, демонстрируя иной образ мышления [7, с. 83]. И первостепенным становится не столько установление логических мостов между типами рациональности, сколько осмысление логики возникновения этих способов научного мышления из хаоса, чего-то ненаучного, еще только могущего стать наукой. Делёз и Гваттари вводят понятие «частного наблюдателя» как срединного звена между формируемыми наукой вещами, которые приобретают способность к восприятию и ощущению. Парадокс в этой концепции связан с тем, что, с одной стороны, нельзя утверждать, что природные процессы происходят объективно,

независимо от субъекта, но, с другой стороны, утверждать, что они порождены субъектом, тоже нельзя. У них «познающий субъект» выдвигается на второстепенные позиции, уступая место частному наблюдателю, восприятия которого не носят субъективный характер. «Сколь бы ни были историчны и исторически достоверны те личные имена, с которыми связывается при этом высказывание, они всего лишь маски для иных становлений, всего лишь псевдонимы для более таинственных единичных сущностей, – пишут Делёз и Гваттари. – В случае пропозиций таковыми являются внешние частные наблюдатели, научно определяемые по отношению к той или другой оси референции» [7, с. 37]. Таким образом, Ж. Делёз встраивает познание в поле интуиции, и мыслитель может претендовать на звание ученого или философа, только если он способен создавать концепты: «Философия – это искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» [7, с. 10].

Ж.Ф. Лиотар рассматривал создание концептов (новаций) в качестве одного из способов делегитимации метанарративов. Он утверждал, что изменение статуса знания во многом связано со вхождением общества в постиндустриальную эпоху, а культуры – в эпоху постмодерна. Научно-технический прогресс, связанный с искусственным интеллектом, оказал столь же существенное влияние на изменение природы знания, какое оказывали на её развитие средства передвижения человека и ретрансляции звука и изображения. По Ж.-Ф. Лиотару, «производители» и «потребители» научного знания должны будут иметь средства интерпретации его результатов на те языки, которые позволят им усвоить эти результаты. Знание становится товаром и циркулирует так же, как и денежные потоки. «Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих этих случаях, чтобы быть обмененным. Оно перестает быть самоцелью и теряет свою “потребительскую стоимость”» [11]. Само доказательство истины в науке сравнивается Лиотаром с законотворческой деятельностью, в которой истинность высказывания и компетенция высказывающего зависят от одобрения равных по компетенции членов коллектива.

Ещё один аспект, о котором необходимо сказать, раскрывая данную проблему, – это дискурс о *ценностной рациональности*, осмысленной как философская проблема в XX веке. Отмечается, что ценностная рациональность позволяет «рассматривать рациональность в подмножестве других рациональностей, дает право на ценностно-нагруженный взгляд на всякие человеческие культурные начинания: экономика, политика, наука, религия, философия и т. д.» [2, с. 26]. Порус В.Н. предпочёл применить в этом философском дискурсе термин *гибкая рациональность*, который сочетает в себе дологические и антропологические предпосылки, «ментальную сущность активно познающего субъекта в ее нераздельности иррационального и рационального» [20, с. 99]. Включение ментальности как нового инструментария совсем не означает, что постнеклассическая философия решительно отказалась от формально-логических выкладок. По сути, неклассическая рациональность допускает все предыдущие рациональности, предельную плюрализацию, релятивизацию и субъективизацию истины. Естественно, такой подход предполагает и новый набор методологических инструментариев, коим может выступать «методология полилога познавательных культур» [2, с. 26], направленная против утверждений о «конце истины», что и придает понятию истины новый импульс [3; 4; 5], а постмодернистским представлениям – разнообразные смысложизненные ценности.

Автономность субъекта и субъективность в постнеклассический период

Вышеописанный философский дискурс является своего рода отображением изменения статуса самой личности, её отношения к себе и к окружающим. Большинство современных людей стремятся «казаться», слыть «особенными», «не как все». Историки и культурологи утверждают, что это – характерная черта именно современной и, прежде всего, европейской цивилизации, сделавшей индивидуалистские ценности стержнем своего развития. Хотя ранее преобладало стремление не отличаться от остальных, «быть как все», а некоторые формы самовыражения рассматривались как не вполне этичные, как проявление человеческой гордыни. Ещё античные философы призывали к сдержанности и аскетизму, а, к примеру, Эпикур советовал «скрываться» и «таиться».

Красиков В.И. увязывает эти тенденции с переходом «к современному обществу, которое за четыре столетия создало совершенно новый образ жизни и совершенно новые ценности. Последние основывались на радикальной индивидуализации социального состава, разрушении всех прежних традиционных структур и групп: нивелировании и атомизации общественной жизни» [9, с. 213]. Они вызваны развитием современных информационно-коммуникативных технологий (далее – ИКТ), уже изменивших и продолжающих изменять жизненный мир человека, серьёзно влиять на все социальные процессы. По этой причине в современных философских науках одной из центральных является проблема судьбы человека и цивилизации. Обсуждение этих проблем на сегодняшний день находится преимущественно в поле исследовательской деятельности когнитивных наук, рассматривающих проблемы человеческой субъективности, через осмысление феноменов сознания и самосознания, внутреннего мира, Я, личности, свободы.

Известно, что концепция свободы личности, её достоинства и ответственности является основополагающей ценностью европейской цивилизации. Но если ранее «ядром» этих представлений об автономии личности выступал внутренний мир, а точнее сознание, «непосредственный доступ и способы исследования которого (интроспекция, понимание) отличны от методов естествознания» [26], то с развитием ИКТ и новейших когнитивных исследований по многим ранее предложенным подходам нанесён удар.

ИКТ, открывая новые перспективы для человеческого развития, при этом размывают границы личного и публичного, делают человека всё более уязвимым, создавая каналы для манипуляций и внешнего управления человеческим поведением. Современная философия уже утвердилась во мнении, что неконтролируемое проникновение виртуальной реальности представляет определённую угрозу личности в реальном мире, её межличностным и социальным связям. «Фильтрация» информации, её агрегация и артикуляция становятся уделом крупных исследовательских центров, а постоянная ложь и полуправда со стороны СМИ вызывают в человеке недоверие к любой информации. Технологии виртуальной реальности деконструируют аутентичное «Я». В результате наступает кризис самоидентичности, заключающийся в невозможности целостного восприятия себя как автономной самодостаточной личности. «В киберпространстве размывается целостность человека, его критическая рефлексия, граница между реальным и нереальным, теряется ясное представление о границе возможного и невозможного, которое всегда лежало в основе рационального планирования действий» [13, с. 8]. Суверенная область «Я» в виртуальной реальности достигается через приватность как форма выбора взаимодействия или отказа от него при использовании/неиспользовании информации о себе. Нартова-Бочавер С.К. так определяет приватность: «это “личное” дело, опыт сепарации от физической стимуляции и социально-

го окружения, способность контролировать обстоятельства своей жизни, возможность выбора и ответственности за него» [16, с. 68]. Через приватность личность устанавливает селективный контроль за открытостью своего «Я». Приватность достигается в том числе через внутреннюю саморегуляцию открытости/закрытости к отобранным социальным группам и личностям. Любое ущемление приватности может способствовать снижению уровня самооценки и доверия, а усиление социального контроля за виртуальной реальностью всё меньше оставляет места для приватности, личных границ ввиду выдвижения всё больших требований по персонализации аккаунтов и проявления конформизма.

В этих условиях личность всё более растворяется в коллективных процессах, усиливается её зависимость от социального. Это становится актуально даже в исследовательских программах: «если до недавних пор было общепринятым мнение о том, что наука может твориться лишь особо одарёнными индивидами, то теперь многие исследователи научного познания исходят из того, что научная деятельность должна быть понята как коллективная деятельность, роль индивида в которой становится всё меньше» [26].

Подвергается сомнению всё: современные ценности, привычные нам этические и эстетические нормы. Здесь можно добавить крамольную мысль о вторжении генной инженерии и информационных технологий в существо человеческой телесности. Подобные «трансформации» и метаморфозы формируют новые вызовы для традиционных представлений о сознании, субъективности, субъекте, человеке и месте его в этом мире, дополнительно искусственно «нагружая» когнитивные науки новым «исследовательским материалом». К этому можно добавить дискуссию о якобы полной исчерпаемости человека как продукта эволюции и приходе ему на смену «постчеловека», внешне уподобленного ему, но более совершенного, долго живущего, более рационального, лишённого «рудиментарных» ценностей.

Уже давно привычным стало восприятие и понимание человеческого сознания как самоочевидного и непосредственно данного. В то же время, хуже, чем сознание ничего не изучено. Именно действительность сознания, сознательных процессов сегодня вызывает всё больше оживлённых дискуссий о его иллюзорности и ролевой значимости, поскольку обнаружено, что многие информационные процессы в человеке – переработка информации, происходят «вслепую», минуя сознание, к примеру, в бессознательном. Так, Д. Деннет настаивал на условности границ между сознательными и бессознательными процессами. То, что мы называем «сознательным и очевидным», может даже вводить нас в заблуждение. Сюда можно добавить разрушающиеся сегодня у нас на глазах европейские представления о свободе воли, признаваемые в качестве фундаментальных основ субъекта и субъективности. Приверженцы такого мнения обычно апеллируют к небесспорным экспериментам известного нейрофизиолога Б. Либета, показавшим ложность утверждений о самостоятельном характере принимаемых человеком решений: «То, что представляется результатом свободного волеизъявления, на самом деле с этой точки зрения ничто иное, как следствие неосознаваемых нами процессов. Головной мозг принимает решения за нас, а мы лишь регистрируем их, обманчиво принимая за свои» [13, с. 4]. То есть сегодня существуют вызовы фундаментальным представлениям о человеке как субъекте, как изначально свободном существе.

Если представить личность, её сознание как некую совокупность информации, «записанную» в мозговых структурах, то, возможно, в будущем будут разработаны такие технологии, которые позволят расшифровать эти нейродинамические коды перера-

ботки информации головным мозгом, прочитывать мысли других людей и даже переписывать эту информацию на другой биологический «цифровой носитель», тем самым даровав личности «вечную жизнь». Майкова Э.Ю. связывает обострение интереса к автономии личности в философском дискурсе с «появлением «жестких» форм социальности, массовой интервенцией социального в личное пространство, потерей контроля над продуктами современных информационных технологий, обозначением и сохранением границ личной идентичности, утратой чувства онтологической безопасности, необходимостью постоянного поддержания, конструирования своей автономности» [13, с. 4]. И, действительно, в современном философском дискурсе остаются актуальными факторы, «конструирующие» личность, «оформляющие» её границы в условиях социокультурной диспозиции личности, чрезмерно быстрой смены традиций, устоев и формирования симулякров в социуме.

Личность склонна демонстрировать в своем поведении действия, основанные на предрасположенности к чему-либо. Майкова Э.Ю. определяет личностную диспозиционность как имманентную «самоустремленность, способность выбирать между альтернативными возможностями, ориентируясь на внутреннюю поддержку (смысл), способность к самоуправлению (саморегуляции). Автономия – это дистанцирование себя, понимаемое как диалектика независимости и когеренции (зависимости) действий и мотивов» [13, с. 5–6]. Автор рассматривает автономию как одну из форм субъектности личности, как носителя определённого набора личностных качеств.

В психологической науке проблема автономности личности актуализируется из признания наличия биохимических процессов, протекающих внутри биологических организмов, нацеленных на постепенную автономизацию внутреннего мира, позволяющую организму достичь возможной доли самостоятельности от внешнего мира. Решающую роль в активности играет «последовательное прогрессивное развитие сенсорных и моторных функций организма... При этом организм не просто «реагирует» на внешние воздействия, но становится соучастником сложных процессов, протекающих в масштабе биоценоза. Проблема автономности в их биологическом аспекте связана с проблемой взаимодействия вида и индивида» [8, с. 356].

При таком понимании автономности личности мы приходим к упрощённому пониманию самой личности как особи, «заклѳченной» в генетическую программу, коррелируемую по мере накопления индивидуального личностного опыта в границах «реакции» со стороны внешней среды на демонстрируемое личностью поведение. Хотя «эволюционные усложнения системы не делают её более свободной от необходимости соблюдения определённых (и достаточно жестких) правил. Повышается лишь вариативность внутри- и внесистемных связей и взаимозаменяемость вариантов» [15, с. 29]. Примечательно, что ещё И. Кант [18] выделял автономию личности в рациональном и душевно-психическом смыслах.

«Душевно-психический» аспект автономности личности концептуально близок к психологическому пониманию «автономности» как механизма саморегуляции и самодетерминации. Реализация этого механизма осуществляется через осознанный выбор действий и способов их осуществления, с учетом внутренней мотивации и внешних условий. В таком аспекте автономия «характеризует личностное развитие как организмическую интеграцию личности, результат личностного развития – интеграции «Я» и самодетерминации поведения» [13, с. 10], позволяющие личности ориентироваться в социальном пространстве в своей деятельной активности. Личностная автономия здесь выводится через интернализацию мотивации и соответствующего переживания кон-

троля над поведением. В зависимости от источника инициации действия предполагается выделение внешней и внутренней (волевой) мотивации. Последнее увязывается с тремя базисными потребностями, связанными с чувствами, стремлением к познанию и росту: прирождённые потребности к автономии, компетентности и принадлежности.

Заключение

Таким образом, представления о познающем субъекте, увлечённом исследовательской деятельностью, в XX веке претерпели существенные изменения. Если на рубеже XIX–XX веков абсолютный субъект вытесняется субъектом-наблюдателем, «нагружённым» собственными ценностями и ценностными установками, который не может выйти за пределы своих представлений, то начиная со второй половины XX века главной целью научной деятельности становится не простое механическое накопление фактов, полученных в результате эмпирических исследований объективной реальности, а признание за последним способности проявления более фундаментальных процессов. Такие черты, как воображение, изобретательность, ценностно-мотивационные составляющие, социокультурные и личностно-мировоззренческие факторы, становятся определяющими при вынесении сущностных характеристик субъектности в научном знании XX века. Это в свою очередь вывело нас на новое понимание противостояния объекта и субъекта в указанный период. Не в последнюю очередь это связано с изменением статуса личности, её радикальной индивидуализацией, разрушением всех прежних традиционных социальных структур и групп (нивелирование и атомизация общественной жизни). Они вызваны развитием современных информационно-коммуникативных технологий, уже изменивших и продолжающих менять жизненный мир человека, серьёзно влияя на все социальные процессы.

Литература

1. Адорно Т.В. Эстетическая теория. – М., 2001.
2. Билалов М.И. Проблемы истины и рациональности в познавательной культуре постмодерна // Научная мысль Кавказа. – 2016. – № 3 (87). – С. 25–30.
3. Билалов М.И. Философия истины на перекрестке познавательных культур // Что есть истина? Тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Махачкала, 6–7 сентября 2013 г.) / под общ. ред. М.И. Билалова. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2013. – 332 с.
4. Билалов М.И. Философия истины в коммуникативном пространстве познавательных культур // Философия, толерантность, глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений. Тез. докл. VII Рос. философ. конгресса (г. Уфа, 6–10 октября 2015 г.): в 3 т. Т. I. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 374 с.
5. Билалов М.И. Философия истины в коммуникативном пространстве познавательных культур // Вестник РФО. – 2016. – № 1. – С. 10–12.
6. Вершинин С.Е., Борисова Г.А. Концепция социальной деструкции Франкфуртской школы (историко-философский анализ). – Екатеринбург: Российский гос. профессион.-пед. ун-т, 2009. – 125 с.
7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – СПб.: Алетейя, 1998. – 146 с.
8. Иорданский Н.Н. Эволюция жизни: учеб. пособие для студентов пед. вузов по специальности 032400 – Биология. – М.: Academia, 2001. – 424 с.
9. Красилов В.И. Человеческая субъективность // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т. 5, № 1–2. – С. 213–223.

10. Летов О.В. От позитивизма к постмодернизму // Вестник культурологии. – 2010. – № 3. – С. 40–57.
11. Лиотар Ж. Состояние постмодерна. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/liot/01.php
12. Лосев А.Ф. Дерзание духа. – М., 1988.
13. Майкова Э.Ю. Автономия как личностная диспозиция // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. – 2011. – № 1. – С. 4–13.
14. Маньковская Н.Б. «Париж со змеями» (Введение в эстетику постмодернизма). – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Mank/08.php
15. Митькин А.А. Субъектность человека: грани и границы. Ч. II // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29, № 4. – С. 27–43.
16. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. – СПб., 2008.
17. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М., 2005.
18. Огурцов А.П. Постмодернизм в контексте новых вызовов науки и образования. – Режим доступа: http://www.phil63.ru/postmodernizm-v-kontekste-novuykhvyzovov#_edn1
19. Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. – СПб., 2004. – С. 460.
20. Порус В.Н. Масалова С.И. Гибкая рациональность: регулятивы, язык, формы // Наука. Философия. Общество: мат-лы V Рос. филос. конгресса (г. Новосибирск, 25–28 августа 2009 г.): в 3 т. Т. 1. – Новосибирск: Параллель, 2009. – 532 с.
21. Сивков Д.Ю. Концепция «ускользающей реальности» в философии Теодора В. Адорно // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Философия. Филология. – 2009. – № 1 (5). – С. 48–59.
22. Тулмин С. Человеческое понимание. – М.: Прогресс, 1984. – 324 с.
23. Хайдеггер М. Онто-теологическое строение метафизики // Тождество и различие. – М., 1997.
24. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. – М.: Медиум, 1997. – 310 с.
25. Черникова И.В. Эволюция субъекта научного познания // Вопросы философии. – 2014. – № 8. – С. 65–75.
26. Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2016. – № 10.
27. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. – М.: Наука, 1993. – 672 с.
28. Alvesson M., Skoldberg K. New vistas for qualitative research. – L. etc., 2009. – 350 p.
29. Feyerabend P.K. Problems of empiricism // Philosophical papers. – Cambridge, 1981. – Vol. 2. – Pp. 23–45.
30. Mouzelis N. Cognitive relativism: between positivistic and relativistic thinking in social sciences // Reconstructing postmodernism: critical debates. – N. Y., 2007. – Pp. 15–28.
31. Polanyi M., Prosch H. Meaning. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1975. – 246 p.

Поступила в редакцию 29 апреля 2021 г.

UDC 165:001

DOI: 10.21779/2500-1930-2021-36-2-80-92

Socio-Cultural and Personal-Ideological Foundations of the "Cognizing Subject" in the 20th Century Philosophy of Science

Dz.A. Gusenova

Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala; M. Gadzhiev st., 43a; gusenowa03111978@yandex.ru

The article reveals the content of the philosophical discourse about the subject of research activity, the manifestation of its specific features, the ambiguous nature of the very ideas about the "cognizing subject" in the philosophy of the twentieth century. It seems that this problem was actualized in the middle of the twentieth century, when the need to study the conditions of the origin of scientific shifts and the factors influencing these processes was put forward as a fundamental goal.

In the history of the philosophy of science, the cognizing subject was endowed with different characteristics in different periods: from the complete deprivation of the epistemological context in the ancient period, recognition of the ability to rational cognition in Modern times, recognition of the fact of intellectual intuition during the Reformation to the formation of the concept of the subject and turning to the problems of philosophy and methodology of science by the beginning of the twentieth century.

In the non-classical period, the cognizing subject, "loaded" with values and value attitudes (Nietzsche) is deprived of the opportunity to go beyond his ideas (Schopenhauer). Being replaced by a certain appearance, it is opposed by an "evasive" (Heidegger) or "elusive" (Adorno) reality.

Since the second half of the twentieth century, such features as imagination, ingenuity, value-motivational components, socio-cultural and personal-worldview factors have become determining when making the essential characteristics of subjectivity in scientific knowledge. The trends observed in post-non-classical philosophy, and described above, are not least linked by the author with a change in the status of the individual, his attitude to himself and others, radical individualization, destruction of former social structures and groups: leveling and atomization of public life.

Keywords: *non-classical philosophy, post-non-classical philosophy, cognizing subject, scientific revolution, postmodernism.*

Received 29 April 2021